

Фредерик Бегбедер **Windows on the World**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6653491

Windows on the World : роман / Фредерик Бегбедер: Иностранка, Азбука-Амтикус; Москва; 2014

ISBN 978-5-389-07963-2

Аннотация

Спустя год после теракта, уничтожившего Всемирный торговый центр в Нью-Йорке, Фредерик Бегбедер мучительно ищет слова, способные выразить невыразимое – ужас реальности, которая превзошла самые мрачные голливудские фантазии, – и одновременно стремится понять, как могла произойти самая чудовищная катастрофа в истории Америки и как нам всем жить в том новом мире, что возник на планете 11 сентября 2001 года.

Содержание

8 час. 30 мин.	6
8 час. 31 мин.	7
8 час. 32 мин.	8
8 час. 33 мин.	10
8 час. 34 мин.	12
8 час. 35 мин.	15
8 час. 36 мин.	17
8 час. 37 мин.	18
8 час. 38 мин.	19
8 час. 39 мин.	21
8 час. 40 мин.	23
8 час. 41 мин.	25
8 час. 42 мин.	27
8 час. 43 мин.	29
8 час. 44 мин.	31
8 час. 45 мин.	33
8 час. 46 мин.	34
8 час. 47 мин.	35
8 час. 48 мин.	37
8 час. 49 мин.	38
8 час. 50 мин.	40
8 час. 51 мин.	41
8 час. 52 мин.	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Фредерик Бегбедер Windows on the World

*И ты, Символ, что паришь надо всем!
К тебе обращаю я слово, о хрупкий и дивный,
(и в слове моем, быть может, твое спасенье).
Вспомни: не всегда так покойно
и прочно царил ты, любимый мой флаг,
ибо недавно еще я видел тебя
и выглядел ты по-другому,
и не так изящно распускал ты по ветру
свой непорочный шелк,
ибо жалко свисали лохмотья твои
с поникшего древка,
и в отчаянье прижимал их к груди
юный знаменосец.
За тебя сражались не на жизнь, а на смерть,
и не было конца сраженью,
грохоту пушек, лавине брани, крика и стонов,
сухим щелчкам ружейных затворов,
массам людей, толпой идущих на приступ,
подобных ярящимся демонам,
жизни свои не щадящим.
Да, за останки твои, заляпанные грязью,
пропитанные дымом и кровью,
ради одной только цели, ради тебя,
мой прекрасный, чтоб однажды
снова ты взмыл в поднебесье, красуясь,
пал не один человек – вот что я видел.*

**Уолт Уитмен. Листья травы.
7 сентября 1871 г.**

*Kill the Rockefellers!*¹
Курт Кобейн. Дневник, 2002

*Прости, Хлоя,
Что привел тебя
В пустыню этой земли.*

Каждому из 2801

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ:
*Я думаю, что если романист не пишет реалистических романов,
то он не понимает эпохи, в которую мы живем.*
Том Вулф

¹ Убить Рокфеллеров! (англ.) (Здесь и далее – прим. перев.)

Задача художника – погрузиться в самое сердце ада.
Мерилин Мэнсон

8 час. 30 мин.

Конец вы знаете: все умирают. Конечно, умирают многие, такое случается каждый день. Но эта история необычна тем, что все умрут в одно время и в одном месте. Может, смерть сближает людей? Не сказал бы: они не разговаривают. Они сидят, хмурые, невыспавшиеся, и жуют свой завтрак в шикарном ресторане. Иногда кто-нибудь фотографирует вид из окна – самый красивый на свете. Позади прямоугольных зданий плоский круг моря; корабли чертят на нем геометрические фигуры. Так высоко не залетают даже чайки. Клиенты «Windows on the World»² по большей части незнакомы между собой. Случайно встретившись глазами, они откашливаются и тотчас ныряют в газету. Начало сентября, раннее утро, и все не в духе: каникулы кончились, держись теперь до самого Дня благодарения. Погода чудесная, но никому до нее нет дела.

Пройдет какой-то миг, и в «Windows on the World» закричит толстая пуэрториканка. У чиновника в костюме и при галстукe отвиснет челюсть: «О боже. Oh my God». Двое коллег-служащих ошарашенно умолкнут. У какого-то рыжего вырвется: «Holy shit!»³ Официантка будет лить и лить чай в переполненную чашку. Бывают секунды, которые дольше других. Словно нажали на «паузу» в DVD-плеере. Пройдет миг, и время станет растяжимым. Все эти люди наконец познакомятся. Пройдет миг, и все они превратятся во всадников Апокалипсиса, соединятся в Конце Света.

² «Окна в мир» (англ.).

³ Твою мать! (англ.)

8 час. 31 мин.

В то утро я стоял на вершине здания Всемирного торгового центра и был центром мироздания.

Полдевятого утра. Я знаю, рановато для того, чтобы тащить мальчишек на вершину небоскреба. Но мои сыновья очень хотели позавтракать здесь, а я ни в чем не умею им отказать: я бросил их мать и чувствую себя виноватым перед ними. В раннем вставании есть свои преимущества – не надо стоять в очереди. После теракта 1993 года на первом этаже ввели тройной контроль: чтобы попасть на службу, нужны специальные беджики, охранники усердно копаются в ваших сумках. У Джерри зазвенели ворота металлоискателя – из-за пряжки с Гарри Поттером на ремне. В атриуме в стиле хай-тек тихонько журчат фонтаны. Завтрак по предварительной записи; при входе я назвал себя у стола «Windows on the World»: «Good morning, my name is Carthew Yorston»⁴. Атмосфера чувствуется сразу: красный ковер, плетеный бархатный шнур, отдельный лифт. В этом зале ожидания (30 метров высотой) пюпитр ресторана играет роль стойки первого класса. Отличная идея – успеть до часа пик. Короче очередь к телескопам (опусти 25 центов, и можно разглядывать секретарш, входящих в соседние здания, с мобильником у уха, затянутых в светло-серый брючный костюм, с легкой химией, в кроссовках и с туфлями на высоких каблуках в поддельных сумках «Прада»). Я в первый раз поднимаюсь на вершину Всемирного торгового центра; сыновья пришли в восторг от скоростных лифтов, взлетающих на 78-й этаж за 43 секунды. Скорость такая, что сердце просто выскакивает из грудной клетки. Они не желали уходить из скайлобби. После четвертого заезда мне пришлось рассердиться:

– Ну хватит, довольно! Это лифты для тех, кто здесь работает, тут нет надписи «Космические горки»!

Служительница со значком ресторана на воротнике проводила нас к другому лифту, обычному, и мы поднялись на 107-й уровень. На сегодня у нас намечена обширная программа: завтрак в «Windows on the World», затем прогулка в Бэттери-парк и поездка на пароме (бесплатно!) на Статен-Айленд, чтобы посмотреть статую Свободы, потом на 17-й пирс, немного шопинга в Старом порту, пара фотографий на фоне Бруклинского моста, заход на рыбный рынок ради славного запаха и, наконец, гамбургер с кровью в «Бридж-кафе». Мальчишки обожают толстые, сочные рубленые бифштексы, политые кетчупом. И большие стаканы не диетической колы с колотым льдом. Дети только и думают, как бы натрескаться, а родители – как бы натрахаться. С этим у меня все в порядке, спасибо: вскоре после развода я встретил Кэндейси, она работает в рекламном агентстве «Elite New York». Вы бы видели ее композитку... Рядом с ней Кайли Миноуг просто старуха. Каждый вечер она приходит в «Алгонкин» и имеет меня сверху, хрипло дыша (хотя ей больше нравится «Роялтон» Филиппа Старка, на той же улице) (потому что она не знает Дороти Паркер⁵) (надо бы дать ей почитать «Жизнь вдвоем»⁶, чтобы отбить мысли о семейной жизни).

Через два часа я умру – но, быть может, я уже мертв.

⁴ Доброе утро, меня зовут Картью Йорстон (англ.).

⁵ Дороти Паркер (1893–1967) – американская писательница, поэтесса, журналистка; входила в литературный кружок, собиравшийся в отеле «Алгонкин» («Алгонкинский круглый стол»).

⁶ «Жизнь вдвоем» – название переведенного на французский язык сборника рассказов Д. Паркер.

8 час. 32 мин.

Мы мало что знаем о ресторане «Windows on the World» в то утро. «Нью-Йорк таймс» пишет, что в 8.46, когда самолет рейса № 11 «Америкен эрлайнз» врезался между 94-м и 98-м этажами, в ресторане под крышей находился 171 человек, из них 72 – обслуживающий персонал. Мы знаем, что одна фирма («Risk Water Group») организовала рабочий завтрак в отдельном салоне на 106-м этаже, но на 107-м, как всегда по утрам, завтракали самые разные клиенты. Мы знаем, что Северная башня (более высокая, с антенной на крыше, делавшей ее похожей на шприц) подверглась атаке первой и рухнула последней, ровно в 10.28. Так что у нас в запасе точно час сорок пять минут. Ад длится час сорок пять минут. Эта книга тоже.

Я пишу это в «Небе Парижа». Так называется ресторан на 56-м этаже башни Монпарнас. Париж, 75015, авеню дю Мэн, 33. Тел.: 01 40 64 77 64. Факс: 01 43 22 58 43. Метро: «Монпарнас – Бьенвеню». Завтрак здесь подают с 8.30. Вот уже несколько месяцев я каждый день пью здесь кофе. Отсюда можно на равных взирать на Эйфелеву башню. Панорама изумительная, ведь это единственное место в Париже, откуда не видно башни Монпарнас. Вокруг деловые люди орут в свои мобильники так, что все соседи наслаждаются их идиотскими разговорами.

– Слушай, я ручаюсь, это было забито на последнем собрании.

– Нет, нет и еще раз нет, Жан-Филипп специально оговорил, что это не подлежит обсуждению.

– Ну, это их понты!

– Да, ну так послушайте, надо уметь выйти из игры.

– Знаете, говорят, Рокфеллер разбогател, потому что всегда покупал слишком поздно, а продавал слишком рано.

– О'кей, как договорились, моя секретарша пошлет тебе мейл, и мы все утрясем.

– Ни то ни другое: мы обязаны закончить неделю в плюсе.

– Вот что я тебе скажу: если рынок поддержат инвесторы, он быстро отыграет потери.

– Я привязался к индексу САС, а рынок падал, в общем, я пролетел.

Еще они все через слово повторяют «абсолютно». Пока я записываю разговоры подмастерьев Хозяев мира, официантка приносит круассаны, кофе со сливками, баночки с вареньем «Милая мамочка» и два яйца всмятку. Уже не помню, как одевались официантки в «Windows on the World»: в первый и последний раз я попал туда ночью. Наверно, они нанимали негритянок, студенток, безработных актрис или славных девушек из Нью-Джерси, в тесных передниках на пышных грудях. Учтите: «Windows on the World» – это вам не «Макдоналдс», это шикарный ресторан, естественно, с большой наценкой (завтрак 35 долларов, не считая чаевых). Тел.: 212-9381111 или 212-524 7 000. Столик рекомендуется заказывать за много дней, без пиджака не пускают. Я попытался позвонить: теперь по этому номеру автоответчик – служба информации о спектаклях. Думаю, официантки были довольно хорошенькие, в тщательно продуманной форме. В бежевом костюме с буквами «WW»? Или вроде горничных в старинном духе, в маленьком черном платье, которое так и хочется одернуть? В брючном костюме? В смокинге от Гуччи, дизайн Тома Форда? Теперь уже не проверишь. Писать этот гиперреалистический роман трудно из-за самой реальности. После 11 сентября 2001 года реальность не только превосходит вымысел, но и убивает его. Писать на эту тему нельзя, но и на другие невозможно. Нас больше ничто не трогает.

Я провожаю взглядом каждый пролетающий за окном самолет. Чтобы передать случившееся по ту сторону Атлантики, я должен почувствовать, как самолет таранит черную

башню у меня под ногами. Здание покачивается; странное, должно быть, ощущение: твердыня небоскреба – и шатается, словно пьяный корабль. Тонны стекла и стали вмиг превращаются в соломенный сноп. Камень мягкий. Это один из уроков Всемирного торгового центра: наша недвижимость подвижна. То, что мы полагали неизблемым, зыбко. То, что мы воображали твердым, текуче. Башни не стоят на месте, а небоскребы скребут главным образом землю. Как можно столь быстро разрушить такую громадину? Моя книга об этом: о том, как рухнул карточный домик, домик из кредитных карточек. Если бы у меня под ногами в здание врезался «боинг», я бы наконец понял то, что уже год не дает мне покоя: черный дым, встающий над полом, жар, плавающий стены, лопающиеся стекла, удушье, паника, самоубийства, бегство к охваченным пламенем лестницам, слезы и крики, отчаянные телефонные звонки. И все-таки я облегченно вздыхаю, провожая взглядом каждый самолет, исчезающий в белом небе. Но это было. Это произошло, и это нельзя рассказать.

«Окна в мир». Первое мое впечатление: название довольно-таки безвкусное. Отдает мегаломанией, особенно для ресторана в небоскребе, где обитают посреднические конторы, банки и биржи. В такой вывеске вполне можно усмотреть еще одно свидетельство американской наглости: «Наше заведение венчает собой цитадель мирового капитализма и сердечно мозолит вам глаза». На самом деле тут игра слов, обыгрывается Всемирный торговый центр. Окна в мир. Вечно я со своей французской язвительностью вижу самодовольство там, где есть всего лишь ироничная ясность. Как бы я сам назвал ресторан на последнем этаже Всемирного торгового центра? «Roof of the World»? «Top of the World»?⁷ Так еще гаже. Совершенно несъедобно. А отчего бы не «King of the World»⁸, как Леонардо ди Каприо в «Титанике», раз уж на то пошло? («Всемирный торговый центр – наш „Титаник“», – заявил на следующий день после атаки мэра Нью-Йорка Рудольф Джулиани.) Конечно, задним числом мое журналистское нутро твердит одно: для этого места отлично бы подошло другое имя, величественная марка, скромная и поэтичная: «END OF THE WORLD»⁹. По-английски «end» значит не только «конец», но и окончечность. Поскольку ресторан под самой крышей, «End of the World» значило бы «На вершине башни». Но американцы не любят юмор такого сорта; они очень суеверны. Поэтому в их билдингах не бывает тринадцатого этажа. В конце концов, «Windows on the World» – очень подходящее название. И к тому же удачное в коммерческом плане, а иначе с чего бы Билл Гейтс несколько лет спустя тоже решил окрестить словом «Windows» свою знаменитую систему? «Окна в мир» – это прикольно, как выражается молодежь. Конечно, это не самая высокая точка в мире: Всемирный торговый центр возносится всего на 420 метров, тогда как башни «Петронас» в Куала-Лумпуре достигают 452, а «Сирс» в Чикаго – 442. Китайцы сейчас строят в Шанхае самую высокую башню в мире: Шанхайский Всемирный финансовый центр (460 метров). Надеюсь, это название не навлечет на них беду. Мне нравятся китайцы: это единственный народ, способный быть одновременно и очень капиталистическим, и очень коммунистическим.

⁷ «Крыша мира», «Вершина мира» (англ.).

⁸ «Король мира» (англ.).

⁹ «КОНЕЦ СВЕТА» (англ.).

8 час. 33 мин.

Такси отсюда кажутся желтыми муравьями, затерявшимися в расчерченном на квадраты лабиринте. Башни-близнецы, возведенные под руководством семейства Рокфеллеров и портовых властей Нью-Йорка, придумал архитектор Минору Ямасаки (1912–1982), совладелец фирмы «Эмери Рот и сыновья». Две 110-этажные башни, со стальным каркасом и бетонным ядром жесткости. Каждая площадью 406 000 м². В каждой 21 800 окон и 104 лифта. 2700 м² офисов на каждом этаже. Я все это знаю, потому что немного этим занимаюсь. Металлические связи представляют собой решетку с треугольными ячейками: база 16,5 м; вершина 5,2 м; усиление каркаса 192 м, двойные перегородки толщиной от 91 до 19,7 см, вес 290 000 тонн (из них 12 127 тонн бетона). Стоимость – 400 миллионов долларов. Премия за технологические инновации Национального музея строительства. Жаль только, что я не архитектор, а всего лишь агент по торговле недвижимостью. 250 000 банок краски в год на косметический ремонт. 49 000 тонн оборудования для кондиционеров. Каждый год ВТЦ посещают более двух миллионов туристов. Строительство комплекса началось в 1966 году и продолжалось больше десяти лет. Злые языки сразу окрестили его «кубиками лего» или «Дэвид и Нельсон»¹⁰. А я отношусь к башням-близнецам вполне хорошо; мне нравится, когда в них отражаются облака. Но сегодня небо безоблачное. Сыновья уплетают оладьи с кленовым сиропом и отнимают друг у друга масло. Мне бы хотелось иметь девочку, посмотреть, что такое спокойный ребенок, который не находится в состоянии перманентной борьбы со всем остальным миром. Из кондиционеров тянет ледяным воздухом. Никогда к этому не привыкну. В столице мира, в ресторане «Windows on the World», VIP-клиенты могут созерцать вершину западной цивилизации, но мерзнут, как последние цуцки. Вентиляция создает непрерывный шумовой фон, этакую плотную звуковую завесу, гудящую, словно приглушенный двигатель самолета; по-моему, это отсутствие тишины утомительно. У нас в Техасе любят дохнуть от жары. Мы привыкли. Моя семья – потомки второго президента Соединенных Штатов, Джона Адамса. У Йорстонов есть прародитель по имени Уильям Харбен, правнук составителя Декларации независимости. Поэтому я член ассоциации «Сыновья Американской революции» («Sons of the American Revolution», сокращенно SAR, как «Его Королевское Величество», «Son Altesse Royale»). Учтите: у нас в Америке тоже есть своя аристократия. И я к ней принадлежу. Мое семейство нищее, но я аристократ. Многие американцы хвастают родством с кем-нибудь из «подписантов» Декларации независимости. Вещь совершенно бесполезная, но придает уверенности. Нет, господин Фолкнер, на Юге Соединенных Штатов живут не только буйные и умственно отсталые алкоголики. Приезжая в Нью-Йорк, я нарочно говорю с техасским акцентом. «Yeap!» вместо «Ya». Я такой же сноб, как и истинные европейские вырожденцы. Мы их тут зовем «евротрэш», «евромусор», всех этих галантных юношей из ночного клуба «В баре», франтоватых декадентов, что царят в картотеке Марка де Гонто-Бирона и фотографиях в «Пейпер мэгэзин». Мы плевать на них хотели, но и у нас есть свои, свой... Американский мусор? Я типичный «краснорожий»¹¹, член Американской мусорной корзины. Но моя фамилия не так известна, как Гетти, Гуггенхайм или Карнеги, потому что мои предки все растратили, вместо того чтобы оплачивать музеи во славу своего имени.

Прилепившись носами к стеклу, дети играют в страшилки.

– Ему даже слабо посмотреть вниз, когда руки за спиной!

¹⁰ Дэвид и Нельсон – имена братьев Рокфеллеров, которым принадлежала идея строительства башен-близнецов.

¹¹ Краснорожий – от амер. red neck (красная шея) – мужлан, деревенщина.

– Oh my Gosh! Freaky!¹²

– Мокрая курица! Ты просто трус!

Я рассказываю им, что в 1974 году французский канатоходец по имени Филипп Пети без разрешения протянул трос между двумя башнями, как раз на этой самой высоте, и прошел по нему, невзирая на ветер, холод, головокружение. Ребята спрашивают: «А француз – это чего?» Я объясняю, что Франция – маленькая европейская страна, которая помогла Америке избавиться от ига англичан в 1776–1783 годах, и что в благодарность наши солдаты в 1944-м освободили ее от нацистов. (Я немного упрощаю, из педагогических соображений.)

– Видите там статую Свободы? Это подарок Америке от Франции. Китчевая немножко, а так ничего, главное – намерение.

Мальчишкам плевать на Францию, хоть они и любят French fries и French toasts¹³. Со своей стороны, я предпочитаю French kiss и French rubbers¹⁴. А «Французский связной», «French Connection», с его погоней на машинах под воздушным метро!

За «Окнами в мир» лежит город, как гигантская шахматная доска: прямые углы, перпендикуляры кубиков, смежные квадраты, лимитрофные прямоугольники, параллельные линии, сетки штрихов – целая искусственная серо-бело-черная геометрия, касательные проспектов похожи на воздушные коридоры, поперечные улочки похожи на следы маркера, туннели похожи на кротовьи норы из красного кирпича; мокрый асфальт, тянущийся за поливальными машинами, кажется отсюда слизью, оставленной на фанере алюминиевыми улитками.

¹² О господи! Жуть берет! (англ.)

¹³ Французский картофель фри, французские тосты (англ.).

¹⁴ Французский поцелуй, французские презервативы (англ.).

8 час. 34 мин.

Я часто прихожу сюда, к мраморной доске на доме 56 по улице Жакоб. Всем американским туристам следовало бы совершать паломничество к дому 56 по улице Жакоб, а не фотографироваться перед туннелем под мостом Альма в память о Доди и Диане. Именно здесь Джон Адамс и Бенджамин Франклин подписали 3 февраля 1783 года Парижский мир, положивший конец Войне за независимость. Рядом живет моя мать; чуть дальше, за деревом, прячется издательство «Сёй». Пешеходы переходят улицу перед этим старинным зданием, не подозревая, что именно здесь, в двух шагах от кафе «Флора», родились Соединенные Штаты. Может, они предпочитают об этом забыть?

8 час. 34 мин. «Небо Парижа». Skyscrapers¹⁵ – роскошная вещь, потому что позволяют человеку возвыситься над самим собой. Любой небоскреб – это утопия. В человеке с древности живет неизбывный фантазм – самому воздвигнуть горы. Возводя башни до облаков, человек доказывает себе, что он более велик, чем природа. И это чувство в самом деле приходит на вершине бетонно-алюминиево-стеклянно-стальных ракет: горизонт принадлежит мне, я говорю «до свидания» пробкам, канализационным люкам, тротуарам, я человек, парящий над землей. Чувствуешь не упоение своим могуществом, а скорее гордость. Гордость без всякой гордыни. Просто радость от сознания того, что способен взобраться выше любого дерева:

Я поднимался вместе с вами, туманы, плыл к далеким
континентам и опускался там вместе с вами,
Я дул вместе с вами, ветры,
Я припадал к каждому берегу вместе с вами, воды,
Я протекал вместе с вами, потоки и реки земли,
Я замедлял свой полет на полуостровах
и высоких скалах, чтоб крикнуть оттуда:
«Salut au monde!»
Во все города, куда проникает свет и тепло, проникаю и я,
Ко всем островам, куда птицы стремят свой полет, стремлю свой
полет и я.
Всем, всем от имени Америки
Я протягиваю высоко поднятую руку, подаю знак,
Чтобы он был виден вечно повсюду,
Из всех городов и селений, из всех жилищ человека¹⁶.

Название этой поэмы Уитмена – «Привет миру», «Salut au monde!» (в оригинале по-французски). В XIX веке американские поэты говорили по-французски. Я пишу эту книгу, потому что мне осточертел кондовый французский антиамериканизм. Мой любимый французский мыслитель – Патрик Жюве: «I love America»¹⁷. Поскольку Франция объявила войну Америке, надо глядеть в оба и выбрать, на чьей ты стороне, если не хочешь потом остаться с носом.

¹⁵ Небоскребы (англ.).

¹⁶ Перевод М. Зенкевича и Н. Банникова.

¹⁷ «Я люблю Америку» (англ.) – песня французского шансонье Патрика Жюве.

Все мои любимые писатели – американцы: так, значит, Уолт Уитмен, но еще и Эдгар Алан По, Герман Мелвилл, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Эрнест Хемингуэй, Джон Фанте, Джек Керуак, Генри Миллер, Дж. Д. Сэлинджер, Трумэн Капоте, Чарльз Буковски, Лестер Бэнгз, Филип К. Дик, Уильям Т. Воллман, Хантер С. Томпсон, Брет Истон Эллис, Чак Паланник, Филип Рот, Хьюберт Селби-младший, Джером Чарин (он живет на Монпарнасе).

Все мои любимые музыканты – американцы: Фрэнк Синатра, Чак Берри, Боб Дилан, Леонард Бернстайн, Берт Бакарак, Джеймс Браун, Чет Бэйкер, Брайан Уилсон, Джонни Кэш, Стиви Уандер, Пол Саймон, Лу Рид, Рэнди Ньюмен, Майкл Стайп, Билли Корган, Курт Кобейн.

Все мои любимые режиссеры – американцы: Говард Хоукс, Орсон Уэллс, Роберт Альтман, Блейк Эдвардс, Стенли Кубрик, Джон Кассаветес, Мартин Скорсезе, Вуди Аллен, Дэвид Линч, Расс Мейер, Сэм Рейми, Пол Томас Андерсон, Ларри Кларк, Дэвид Финчер, М. Найт Шьямалан.

Американская культура задавила всю планету не по экономическим причинам, а из-за своего особого таланта. Легче всего объяснить ее засилье политическими манипуляциями, как это делают всякие демагоги, сравнивающие Диснея с Гитлером, а Спилберга с Сатаной. Американское искусство постоянно обновляется, потому что у него глубокие корни в реальной жизни. Американские художники всегда стремятся к новизне, но такой, которая открывает нам нас самих. Они умеют примирить новаторство с доходчивостью, а творческое своеобразие – с желанием нравиться. Мольер тоже искал выгоды, а Моцарт – успеха у публики: здесь нет ничего позорного. Американские художники высиживают меньше теорий, чем их европейские собратья, потому что им некогда, они слишком заняты практикой. Они покоряют мир, дерутся с ним и, описывая, меняют его. Американские писатели считают себя натуралистами, но они все марксисты! Они очень критично подходят к собственной нации. Ни одна демократия в мире не подвергается таким нападкам со стороны собственной литературы. Нет ничего более бунтарского, чем независимое и андерграундное американское кино. Артисты Соединенных Штатов вовлекают в свои грезы весь остальной мир, потому что они мужественнее, работоспособнее и не боятся издеваться над собственной страной. Многие считают, что европейские художники страдают комплексом превосходства над американскими собратьями, но это неправда: они страдают комплексом неполноценности. В антиамериканизме есть изрядная доля ревности и обманутой любви. По сути, весь остальной мир восхищается произведениями американцев и упрекает Соединенные Штаты, что они не платят ему той же монетой. Наглядный пример? А какой прием оказал Джеймсу Липтону (продюсеру передачи «Мастерская актеров») Бернар Пиво в последнем выпуске «Культурного бульона»? Ведущий лучшей литературной передачи за всю историю французского телевидения, казалось, совершенно оробел перед Липтоном, лстивым самодовольным журналистом, организовавшим на крохотном кабельном канале агиографические лекции в присутствии голливудских актеров. Пиво, создатель «Апострофов», – человек, взявший интервью у всех величайших писателей своего времени, – не помнил себя от счастья, что низкий жеманный лстец упомянул его имя по другую сторону Атлантики!

Нас давит не американский империализм, а шовинизм Америки, ее культурный изоляционизм, полное отсутствие интереса у американцев к иностранным авторам (разве что те работают в Нью-Йорке или в Сан-Франциско). Франция сегодня относится к Америке примерно так же, как провинция к Парижу: со смесью восхищения и отторжения; ее тянет туда, но она гордится, что противится искушению. Мы хотим всё знать о них, чтобы иметь право презрительно пожать плечами. Быть в курсе последних тенденций, новых заведений, нью-йоркских сплетен, чтобы потом подчеркнуть, насколько наши собственные корни глу-

боко уходят в родную почву. Американцы словно бы двигались в обратном направлении, чем Европа: их комплекс неполноценности (молодая, «нуворишская», ребяческая страна, бóльшая часть истории и культуры которой привнесена из-за рубежа) быстро сменился комплексом превосходства (демонстрацией мастерства и успешности, культурной ксенофобией, третированием конкурентов и рекламным прессингом).

Что же до исключительности французской культуры, то, что бы ни говорил один (с тех пор смещенный) генеральный директор французского радио, она не умерла: она состоит в том, что мы снимаем на редкость говённые фильмы, пишем на редкость халтурные книги и вообще создаем на редкость занудные и самодовольные произведения искусства. Естественно, сие печальное утверждение распространяется и на мой труд.

8 час. 35 мин.

Вход в «Windows on the World» бежевого цвета. В этой вершинной Америке все бежевое. Стены спокойного оттенка, толстое ковровое покрытие цвета яичной скорлупы с геометрическим рисунком. Мокасины утопают в шерстяном ворсе. Пол мягкий; уже одно это должно было нас насторожить.

– Угломонитесь! Keep quiet!

Мальчишки носятся как угорелые в полдевятого утра. С какого возраста начинаешь просыпаться усталым? Я без конца зеваю, а они шныряют туда-сюда, лавируют между столиками и едва не сшибают с ног пожилую даму с фиолетовыми волосами.

– Да уймись же, черти! Stop it, guys!

Я могу сколько угодно делать страшные глаза, сыновья меня больше не слушаются. Я не пользуюсь у них ни малейшим авторитетом; даже когда я злюсь, они считают, что я валяю дурака. Они правы: я и в самом деле валяю дурака. Я не всерьез. Я не умею быть строгим, как и все родители моего поколения. Наши дети плохо воспитаны, потому что не воспитаны вовсе. Да и воспитывали их не мы, а мультяшные сериалы. Спасибо каналу «Дисней», всепланетной няньке! Наши дети вконец испорчены, потому что испорчены мы. Джерри и Дэвид действуют мне на нервы, но между ними и их матерью есть большая разница: их я еще люблю. Ровно по этой причине я позволил им неделю не ходить в школу. Какой был безумный восторг, что не надо делать уроки! Я устраиваюсь на неудобном стуле ржавого цвета и обвожу взглядом немислимую панораму за окном. «Unbelievable»¹⁸, как написано в проспекте: раз в жизни реклама не врет. Залитая солнцем Атлантика слепит глаза. Небоскребы рассекают небесную голубизну, словно на декорации из папье-маше. В Соединенных Штатах жизнь похожа на кино, потому что все кино снимается здесь. Все американцы – актеры, и их дома, машины, желания кажутся ненастоящими. Правда, в Америке каждое утро выдумывается заново. Эта страна решила быть похожей на целлулоидный вымысел.

– Сэр...

Официантка недовольна, что ей приходится следить за порядком. Она подводит ко мне Джерри и Дэвида: они только что стащили оладушек у парочки трейдеров, чтобы поиграть в летающую тарелку. Мне бы врезать им, а я не могу сдерживать улыбку. Я встаю, чтобы извиниться перед собственниками блина. Это двое служащих фирмы «Cantor Fitzgerald»: блондинка, вполне сексапильная, несмотря на костюм от Ральфа Лорена (есть же еще телки, которые это носят!), и брюнет атлетического вида, cool¹⁹, в тройке от Кеннета Коула. Не надо быть частным детективом, чтобы понять: они любовники. Вы поведете жену завтракать на вершину Всемирного торгового центра? Не поведете... Вы оставите благоверную дома и пригласите сослуживицу, с восьми до десяти (яппи-версия – с пяти до семи). Я наостряю уши: люблю подслушивать под дверью, особенно когда ее нет.

– Я играю на повышение хай-тек компаний, – это блондинка от Ральфа Лорена.

– «Меррил» вздул акции по спекулятивным соображениям, – это брюнет от Кеннета Коула.

– Разойдись с женой, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Чтобы опять все сначала и как у людей? – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– У нас никогда ничего не будет как у людей, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Я же тебя не прошу уйти от мужа, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

¹⁸ Невероятно (англ.).

¹⁹ Холодный, невозмутимый (англ.).

- Если бы попросил, я бы ушла, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- Наша любовь потому и хороша, что невозможна, – говорит брюнет от Кеннета Коула.
- Мне осточертело встречаться с тобой по утрам или после обеда, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- Ночью я хуже, – говорит брюнет от Кеннета Коула.
- Майк Уоллес пригласил меня слетать с ним на этот уик-энд в Лос-Анджелес, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- Ах так? И как ты это объяснишь своему супругу? – говорит брюнет от Кеннета Коула.
- Не твое дело, it's none of your business, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- Если ты поедешь, между нами все кончено, – говорит брюнет от Кеннета Коула.
- Ты ревнуешь к Майку, а к моему мужу нет? – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- С мужем ты уже два года не спишь, – говорит брюнет от Кеннета Коула.
- Разойдись с женой, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.
- А ты правда играешь на повышение хай-тек? – говорит брюнет от Кеннета Коула.

8 час. 36 мин.

«The Windows of the World» – так называется песня Берта Бакарака и Хола Дэвида, ее исполняла в 1967 году Дайонн Уорвик. Она была написана против войны во Вьетнаме.

Интересно, знает ли эту песню хозяин «Windows on the World»?

8 час. 37 мин.

Мальчишкам скучно; это моя вина: я вожу их по стариковским местам. Но ведь они так упрашивали! Я думал, их развлечет вид из окон, но они быстро обозрели окрестности. Все в отца: им слишком скоро все надоедает. Поколение, свихнувшееся на переключении телеканалов и страдающее экзистенциальной шизофренией. Что с ними будет, когда они обнаружат, что нельзя иметь все и быть всем на свете? Мне их жаль, потому что лично я до сих пор так и не пришел в себя после этого открытия.

Мне всегда странно смотреть на своих детей. Как бы я хотел сказать им: «Я вас люблю», но сейчас уже поздно. Когда им было по три года, я повторял это до тех пор, пока они не засыпали. По утрам я будил их, щекоча им пятки. У них всегда были холодные ноги, вылезавшие из-под одеяла. Теперь они чересчур мужественны и сразу поставили бы меня на место. И потом, я никогда ими не занимаюсь, не так часто их вижу, они ко мне не привыкли. Вместо того чтобы говорить им «я вас люблю», надо было бы сказать вот что:

– Гораздо хуже, чем когда отца нет, это когда он есть. Однажды вы поблагодарите меня за то, что я не подавлял вас. Поймете, что я помогал вам взлететь, любя вас издалека.

Но сказать им такое сейчас, наоборот, слишком рано. Они поймут, когда им будет столько лет, сколько мне: сорок три. Странная вещь – братья: они неразлучны, но вечно друг с другом воюют. Сегодня утром, грех жаловаться, они не очень ругаются. Они ненадолго отвлеклись на хлопья «Райс криспис»: «Shap», «Crackle», «Pop»²⁰. Мы говорим о каникулах, украденных у школы. Дэвид хочет еще раз побывать в парке аттракционов студии «Юниверсал». Он весь год щеголял в футболке с надписью «I survived Jurassic Park»²¹. Не желал даже положить ее в грязное белье! Есть ли на свете худший сноб, чем семилетний мальчик? Позже человек становится более дисциплинированным и меньше выпендривается. Взгляните на Джерри, он на два года старше, и это уже взрослый мужчина: контролирует себя, идет на компромиссы. Он тоже выдрючивается – у него свитер с Эминемом, – но хоть не так часто: все-таки старший. Дэвид вечно болен, ненавижу его беспрерывный кашель, он меня раздражает, и я никак не могу понять, отчего бешусь – от звука его кашля или от беспокойства, естественного для любящего отца. Вообще-то, я дергаюсь потому, что не знаю, хороший я или нет, зато точно знаю, что я эгоист.

Какой-то бразильский делец закуривает сигару. Совсем свихнулся – курить в такую рань. Я делаю знак метрдотелю, тот устремляется к нему: в «Windows» курить запрещено, равно как и во всех общественных местах Нью-Йорка. Бразилец прикидывается, будто в первый раз слышит о таком законе, возмущается, требует выделить особое место для курения. Метрдотель объясняет, что ему придется выйти на улицу! Вместо того чтобы потушить сигару, курильщик встает и удаляется в сторону лифтов; наверно, для него это вопрос чести...

²⁰ В 1963 г. группа «Rolling Stones» записала рекламный ролик хлопьев «Райс криспис», для которого Мик Джаггер придумал фразу: «Shap! Crackle! Pop!».

²¹ «Я выжил в Парке юрского периода» (англ.).

8 час. 38 мин.

...И вот так сигара может спасти человеку жизнь. Стоило бы написать на сигаретных пачках новое предупреждение: «Курение позволяет вам покинуть здание прежде, чем оно обрушится».

Как бы я хотел что-нибудь изменить, крикнуть Картью, чтобы он убирался оттуда, живо, мать твою, СМАТЫВАЙСЯ, УВОДИ РЕБЯТ, БЕГИТЕ БЕЗ ОГЛЯДКИ, СКАЖИ ОСТАЛЬНЫМ: СКОРЕЙ, ШЕВЕЛИТЕСЬ, ЧЕРТ, СЕЙЧАС ВСЕ ВЗЛЕТИТ НА ВОЗДУХ! GET THE FUCK OUT OF THIS FUCKING BUILDING!!²²

Вечное авторское самомнение! Я бессилён. Моя книга бесполезна, как все книги. Писатель – он как кавалерия, всегда опаздывает. Башня «Мэн-Монпарнас» шире со стороны улицы Депар: если кто захочет протаранить ее самолетом, надо целить в фасад. Я начинаю влюбляться в это здание, ненавистное всем. Я обожаю его ночью и не выношу днем. Ночь очень подходит ему по цвету. Когда светло, оно сероватое, унылое, неуклюжее; только ночь делает его похожим на маяк посреди Парижа – сияющий, электрический, с красными лампочками по бокам. Ночью башня напоминает мне монолит из «Космической одиссеи – 2001»: черный вертикальный прямоугольник, якобы символизирующий вечность. Вчера вечером я сводил мою невесту в ночной бар в подвале башни. В свое время тамошняя дискотека называлась «Ад», но недавно они переименовали ее в «Красный свет», «Red Light». Там отмечали двадцатипятилетие журнала «VSD»: толпа, пляшущая под диско, хвост в раздевалке, спонсоры и диджеи, несколько VIP-персон, ничего особенного. Я сжал свою любовь в объятиях, и мы целовались под французским «Граунд Зеро». Я бы с удовольствием поимел ее в туалете, но она отказалась:

– Мне очень жаль, но сегодня вечером наше всё празднует Рамадан!

Заранее приношу извинения мусульманским властям за эту шутку. Я прекрасно знаю, что во время Рамадана вечером разрешается есть. Будьте снисходительны. Мне не нужна фетва: меня и так хорошо знают. 2002 год выдался у меня довольно трудным. Я много веселился, и надо мной немало смеялись. Пожалуйста, не будем в 2003-м делать из мухи слона. Похоже, башне Монпарнас не грозит атака исламских фанатиков, потому что там расположен французский корпункт канала «Аль-Джазира». Макая тост в чашку с кофе, я стараюсь думать только об этом громоотводе.

Высота башни Монпарнас – 200 метров. Так вот, чтобы получить представление о высоте Всемирного торгового центра, поставьте друг на друга две башни Монпарнас, и они все равно будут ниже World Trade Center²³. Каждое утро лифт поднимает меня в «Небо Парижа» (56-й этаж) за 35 секунд: я засекал время. В кабине я чувствую, как у меня тяжелеют ноги и закладывает уши. Эти скоростные лифты вызывают те же ощущения, что самолет, попавший в воздушную яму, – когда вы без ремня безопасности. «Небо Парижа» – это все, что осталось от «Windows on the World»: чистая идея. Нелепая, претенциозная идея ресторана на вершине башни, высящейся над городом. Здесь все выдержано в черном цвете, а потолок имитирует звездное небо. Сегодня утром народу не много, погода мерзкая. Люди отменяют заказ, когда нет обзора. «Небо Парижа» утопает в тумане. В окна ничего не видно, один белый дым. Прижавшись носом к стеклу, можно разглядеть соседние улицы. Когда я был маленький, меня ругали за то, что я витаю в облаках; сегодня я витаю опять. Кресла

²² Вали к чертовой матери из этой чертовой башни!! (англ.)

²³ Всемирный торговый центр (англ.).

фирмы «Knoll» стоят здесь, наверное, с 70-х годов; скоро они опять войдут в моду. Оранжево-черная обивка напоминает фильмы Жан-Пьера Моки. Постоянный шумовой фон: кондиционеры гудят, словно атомный реактор. Я упираюсь лицом в витрину, запотевшее стекло скрывает улицу Ренн. Я устроился в отсеке, обитом коричневой кожей, как в «Драгстор паблисиз» на бульваре Сен-Жермен (это заведение тоже исчезло, как и «Windows on the World»), и заказал свежавыжатый апельсиновый сок и слоеные булочки с шоколадом, а официантка одета в оранжевую форму (которая скоро войдет в моду). Она несет мне круассаны, обернутые бежевой салфеткой. Может, террористам из «Аль-Каиды» попросту осточертел бежевый цвет, оранжевые униформы и рекламная улыбка официанток?

Мне очень плохо и одиноко в «Небе Парижа» в 8.38 утра, вдали от водителей, сигнализирующих перед кинотеатрами Монпарнаса, выше служащих банка BNP, на 200 метров «небеснее», чем простые смертные. Моя жизнь рушится, но этого никто не видит, потому что я человек воспитанный: я все время улыбаюсь. Я улыбаюсь, потому что думаю, что если скрывать страдание, то оно исчезнет. И в каком-то смысле это правда: оно незримо, а значит, не существует, ибо мы живем в мире видимого, материального, осязаемого. Моя боль нематериальна, ее как бы нет. Я отрицаю сам себя.

8 час. 39 мин.

Допивая свое капучино, я разглядываю остальных клиентов, они на меня не смотрят. Много рыжих спортивного вида. За одним из столиков японцы фотографируют друг друга. Вон пара любовников-трейдеров. Кругом американские туристы, вроде меня, разбогатевшие и гордые собой «краснорожие», либо «шмели»²⁴ в подтяжках, либо белозубые яппи. Парни в полосатых рубашках. Женщины с укладками, у них красивые руки и длинные покрашенные ногти. Большинство похожи на Бритни Спирс лет через двадцать. Арабы, англичане, пакистанцы, бразильцы, итальянцы, вьетнамцы, мексиканцы – и все толстые. У клиентов «Windows on the World» есть одна жирная общая черта: живот. Я спрашиваю себя, не лучше ли было сводить мальчишек в «Рейнбоу рум», на 65-й этаж здания Эн-би-си. «Салон радуги»: двадцать четыре застекленных витрины в самом центре города. Архитекторы Рокфеллеровского центра хотели назвать это заведение «Стратосфера». Но мальчуганы вряд ли оценили бы зеркала 30-х годов, отблески Манхэттена, легенды о джаз-бандах, атмосферу Безумных лет. Джерри и Дэвид хотят одного – поглощать сосиски и булочки в самом высоком ресторане Нью-Йорка. К счастью для моего кошелька, магазин игрушек «Тойз-Ар-Ас» на первом этаже закрыт, иначе они бы вынесли все. Мои дети – диктаторы, я только слушаюсь и повинуюсь. Глотая завтрак, я гляжу вниз: люди с такой высоты неразличимы. Единственные движущиеся предметы в Нижнем Манхэттене – это машины, въезжающие на остров и выезжающие по Бруклинскому мосту, вертолеты для туристов, кружащие над Ист-Ривер, и баржи, ползающие взад-вперед под поднятыми мостами. Из какого-то путеводителя я выписал цитату из Кафки: «Бруклинский мост, маленький и хрупкий, висел над рекой и дрожал, если закрыть глаза. Он казался совершенно пустым, под ним простиралась гладкая, похожая на ленту неживая вода». Удивительно, как хорошо он описывает то, чего никогда не видел. А я вот вижу здание «Чейз-Манхэттен-бэнк», слева от него Манхэттенский мост, справа Старый порт в конце Фултон-стрит, но не смог бы их описать. Вдруг оказывается, что я люблю свою полоумную страну, свое сволочное время и своих несносных детей. Во мне поднимается волна нежности, – наверно, вчерашняя водка ударила в голову. Кэндейси повела меня в бар «Правда», и мы несколько перебрали вишневой водки. Кэндейси снималась для каталога «Викторияз сикрет», это я говорю, просто чтобы вы поняли, до чего она отпадная. Но у нас с ней не все ладно: она хочет, чтобы я женился на ней, чтобы у нас был ребенок и чтобы мы жили вместе, а я бы не хотел повторять именно эти три свои ошибки. Чтобы наказать меня за желание остаться холостяком, она больше не получает удовольствия в постели. Говорят, некоторые женщины отвечают «нет», а думают «да», а вот Кэндейси наоборот: отвечает «да», а думает «нет».

– Почему ты играешь на повышение хай-тек? – спрашивает брюнет от Кеннета Коула.

– Сейчас самое время, «быки» набирают силу, – отвечает блондинка от Ральфа Лорена. – Пора развернуться и ждать повышения котировок.

– Посмотри, на каком уровне валютный курс, в голове не укладывается, – говорит брюнет от Кеннета Коула. – Боюсь, мне придется туго.

– Я купила фьючерсы «Enron», фантастическая компания, – говорит блондинка от Ральфа Лорена. – Ты хоть раз видел их прибыли?

– Ты, наверно, права, надо кидаться туда. И брать «WorldCom». Их «EBITDA» красив, как миллион долларов, – говорит брюнет от Кеннета Коула. – А вообще, я в полном дауне.

²⁴ «Шмели» – от аббревиатуры WASP (white, anglo-saxon, protestant; wasp – шмель, *англ.*) – белый, англосакс, протестант. Элита американского среднего класса.

– Во всяком случае, две тысячи первый год дерьмовый, и на облигациях ни черта не выручишь, – говорит блондинка от Ральфа Лорена. – Можешь распрощаться со своей виллой на Гавайях.

– Со мной все просто: плевать на «Porsche», пусть провалятся, я закрыл портфель, – говорит брюнет от Кеннета Коула. – Но я уверен, в две тысячи втором дела пойдут получше, надо только подождать; смотри, что творится с ценами.

– Я люблю тебя, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Я хочу использовать кредитное плечо, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– Уйди ты от своей проклятой жены, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– О'кей, обещаю, что сегодня вечером, после спа-массажа, все ей выложу, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

И они целуются, весьма сексуально, высовывая языки, как в хорошей калифорнийской порнушке.

8 час. 40 мин.

Все путеводители превозносили «Windows on the World» до небес. Сейчас утро, сентябрь 2002 года, и я листаю их на верхнем этаже башни Монпарнас. Через год после трагедии они приобретают странное звучание. Вот, например, «Зеленый гид» Мишлена от 2000 года пишет:

«Windows on the World», One World Trade Center (107-й уровень). Достоинством этого элегантного бара-ресторана является один из красивейших панорамных видов Нью-Йорка. После знаменитого взрыва бомбы в 1993 году в его помещении были произведены значительные ремонтные работы, что позволило полностью обновить интерьер и сделать его еще более роскошным.

Всемирный торговый центр был мишенью, это знали даже авторы путеводителей. Какой тут секрет. 26 февраля 1993 года в 12 час. 18 мин. в грузовичке, стоявшем в подземном паркинге, взорвалась бомба. Подвал Всемирного торгового центра провалился. Огромная воронка, шестеро убитых и добрая тысяча раненых. Башни были отремонтированы и вновь открыты менее чем через месяц.

Путеводитель Фромерса, тоже 2000 года, более словоохотлив:

«Windows on the World» (вход с Уэст-стрит, между Либерти и Визи-стрит). Горячие блюда: \$25–35; ужин (на закате, до 18 час.): \$35; завтрак: \$32,50. Принимаются кредитные карты. Метро: линии С, Е, до остановки «World Trade Center». Охраняемый паркинг на Уэст-стрит: \$18. Интерьер довольно скромный, но приятный. Впрочем, он не имеет никакого значения, потому что по другую сторону «Окон» простирается весь Нью-Йорк! Из ресторана открывается недостижимый для других вид на город. А с тех пор, как у плиты стоит Майкл Ломонако, бывший шеф-повар «Клуб-21», новая американская кухня несравненна. Имеется богатый винный погреб. Сомелье будет счастлив направить ваш выбор, независимо от того, знаток ли вы или просто любитель вина, желающий подобрать наилучшее сопровождение к двум фирменным блюдам Ломонако – отбивным на гриле и запеченным мэнским омарам.

В какой-то статье я читал, что на кухне работают братья-неразлучники: они живут вместе и чистят ракообразных, стоя бок о бок. Двое мусульман.

То, что мы знаем сегодня, заставляет повсюду искать предзнаменования; глупое занятие: дурацкая гастрономическая статейка 2000 года предстает настоящим пророчеством. Если вдуматься в каждое слово в последнем описании, выйдет прямо Нострадамус. «По другую сторону „Окон“? Оттуда прилетит самолет. «Недостижимый»? Наоборот, еще как достижимый. «Богатый погреб»? Конечно, скоро там будет целых 600 000 тонн строительного мусора. «Сомелье направит ваш выбор»? Вроде авиадиспетчера. «Отбивные на гриле»? При температуре в 1500 градусов. «Мэнские омары»? Вы намекаете на муллу Омара? Я знаю, это не смешно, со смертью не шутят. Простите меня, это инстинкт самосохранения: я пишу свои глупости на верхотуре парижского небоскреба, перелистывая кипы проспектов с приглашением посетить здания-близнецы, которых больше нет. Естественно, повсюду видишь предостережения, шифровки из прошлого. Отныне прошлое – единственное место, где можно найти «Windows on the World». Этот единственный в мире ресторан, где можно было отменно пообедать на вершине мира, куда, забронировав заранее по телефону столик,

можно было привести любовницу полюбоваться видом, а самому коситься в ее декольте, когда она склонится над сумочкой, проверяя, взяла ли презервативы, – это волшебное, уникальное, неразрушенное место именуется прошлым.

А вот что вещал тогда путеводитель Ашетт, не подозревая, какой жестокой иронией обернется однажды эта фраза:

По утрам ресторан работает как клуб, но за дополнительную плату вас обслужат и в том случае, если вы не являетесь его членом.

Sic.

Парадокс башен-близнецов в том, что эти ультрасовременные здания были выстроены в самом старом квартале Нью-Йорка, на южной оконечности острова Манхэттен – в Новом Амстердаме. Теперь нью-йоркский пейзаж вновь такой же, как во времена, когда Холден Колфилд сбежал из школы. Без башен-близнецов город возвращается в 1965 год, год моего рождения. Странное ощущение – знать, что тебе ровно столько лет, сколько Всемирному торговому центру. Таким был Манхэттен, где Сэлинджер написал «Над пропастью во ржи» (1951), американского «Большого Мольна», действие которого происходит в 1949 году. Знаете, откуда взялось название романа в оригинале – «The Catcher in the Rye»? Из одной строчки Роберта Бёрнса: «Если кто-то звал кого-то вечером во ржи». Холден Колфилд (рассказчик) неправильно понял стихотворение: он решил, что там говорится «если ты ловил кого-то...». Он называет себя «ловцом во ржи». Именно этим он бы хотел заниматься в жизни. На 208-й странице он объясняет свое призвание сестренке Фиби. Он представляет себе, что бегаёт по ржаному полю и пытается поймать тысячи маленьких мальчиков. Он говорит, что это лучшая профессия на земле. Мчаться по полю ржи и ловить толпы детей, бегущих к краю пропасти, множество невинных сердец, устремившихся в пустоту. Ветер далеко разносил бы их беззаботный смех. Мчаться по залитой солнцем ржи. Что может быть лучше такой судьбы: поймать их, пока не упали. Я бы тоже хотел быть ловцом – в окнах.

The Catcher in the Windows.

8 час. 41 мин.

Я делаю вид, будто не вижу, кто еще сидит за моим столом, – это мой любимый вид спорта, когда мы цапаемся с детьми. Вы только посмотрите на этих выскочек; они забыли, что их предками были голландские, ирландские, немецкие, итальянские, французские, английские, испанские колонисты, явившиеся с той стороны Атлантики всего-то три-четыре века назад! Йи-хо, я это сделал, у меня дом в Лонг-Айленде! Розовощекие детки, говорящие не «shit», а «shoot»! Я уже не какое-то иммигрантское отребье. У меня мягкие дорогие простыни, мягкая дорогая туалетная бумага, мягкие дорогие занавеси с цветами и бытовая техника, от которой писает кипятком моя жена с безукоризненной прической. Американское счастье. American Beauty. Временами мне кажется, что я Лестер Бёрнэм, герой «Красоты по-американски». Пресыщенный циник, вдруг понявший, какое дерьмо его идеальная семья, – это so me²⁵ пару лет назад. Картью Йорстон в одночасье послал все подальше. Well, я, конечно, оставил квартиру жене, то ли из трусости, то ли из уважения к Мэри, не знаю. В фильме жена хочет его убить, но в конце концов он погибает от рук соседа, военного-гомофоба. Скажем так: на данный момент я держусь лучше, чем бедняга Лестер. Но сколько я мастурбировал под душем! И потом, там есть одна закадровая фраза, я ее обожаю: «Через год я умру – но, быть может, я уже мертв». У нас с Лестером Бёрнэмом очень много общего.

Надеюсь, мои сыновья скоро познакомят меня с собственными подружками. Гм-гм, не уверен, что одолею искушение и не отдеру их сам, старый потаскун. Интересно, чем они будут заниматься дальше, Джерри и Дэвид Йорстоны? Станут артистами, рок-звездами, киноактерами, телеведущими? Или промышленниками, банкирами, акулами бизнеса? Как отец я желаю им выбрать второе поприще, но как американец мечтаю о первом. А истина заключается в том, что у них максимум шансов стать в конце концов агентами по торговле недвижимостью, как их отец. Лет через сорок, когда я, лежачий старик, страдающий недержанием, перееду в Форт-Лоудердейл, они будут менять мне памперсы. Я буду жевать сухарики, растрачивая их наследство во флоридском ГУЛАГе! Я это сделаю: буду заниматься шопингом на дому, заказывать жратву по Интернету, а девка, клонированная с Фарры Фосетт в «Ангелах Чарли», будет, улыбаясь, сосать мой хрен. I love my country²⁶. Ах да, чуть не забыл: если меня не подведут ноги, я буду играть в гольф. Джерри и Дэвид станут таскать за мной клюшки!

Глядя вниз в подозрную трубу, я вижу белый прямоугольник: это эспланада, где микроскопические служащие ресторана выносят на террасу стулья для желающих позавтракать на полуденном солнце. Наверное, продавцы мороженого раскладывают ценники, а торговцы хот-догами и солеными крендельками выстраивают свои драндулеты вокруг Плазы. Что там за кубик? А, это соорудили эстраду для рок-концерта под открытым небом. А вон тот металлический шарик? Бронзовый земной шар, работа скульптора Фритца Кёнига. Современные скульптуры бывают иногда просто жуткие: груды переплетенных, перекрученных металлических балок. Не понимаю, что художники хотят этим сказать.

Стоит бабье лето; я мурлыкаю «Осень в Нью-Йорке», «Autumn in New York».

Оскар Питерсон, фортепиано; Луи Армстронг, труба; Элла Фицджеральд, вокал.

²⁵ В точности я (англ.).

²⁶ Я люблю свою страну (англ.).

Мне совершенно необходимо сходить к врачу и сделать вазэктомию. Сначала у нас с Кэндейси все было отлично. Я подцепил ее по Интернету (на www.match.com). Нынче такого рода «свиданки» – самое обычное дело. В мире восемь миллионов клиентов match.com! Отправляясь в другой город, организуешь себе заранее пару-тройку randevu, это не сложнее, чем забронировать номер в гостинице. Когда мы в первый раз поужинали, я предложил ей подняться ко мне, пропустить по рюмке в моем номере и продолжить беседу, вообще-то, ей полагалось отказаться – в первый вечер не дают. И что она вытворяет? Глядит мне прямо в глаза и заявляет: «Если я поднимусь, то не разговоры разговаривать». Вау. Мы вместе прошли все этапы: порнофильмы на гостиничном видеоавтомате, мастурбацию и содом вдвоем с искусственными членами и вибраторами, мы даже сходили вместе в swingers club, но она меня довела до белого каления, она тащилась как никогда с каким-то здоровенным булдаком при серьгах и бритом кочане! Как узнать техасца в клубе свингеров? Он единственный, кто закатывает сцену ревности. С тех пор секс с ней был по-прежнему великолепен, но с оттенком гигиены. Как приложение к двум эгоцентрическим одиночествам. Пользуешься телом другого для собственного удовольствия, и иногда мне кажется, что мы оба немножко себя насилуем. Гм. Наверно, я рогоносец; теперь партнеры чем дальше, тем быстрее наставляют друг друга рога.

8 час. 42 мин.

У меня проблема: я не помню детства.

Все, что я из него вынес, — это что не в буржуазности счастье.

Ночь, совсем темно. Звонит будильник, восемь утра, я опаздываю, мне тринадцать лет, я натягиваю коричневые вельветовые штаны, волоку здоровенную сумку с надписью US, полную шариковых ручек, чернильных ластиков, учебников, мерзость которых сопоставима только с их тяжестью, мама встала вскипятить мне и брату молоко, и мы пьем, шумно дую на него и давясь, потому что пенка, а потом спускаемся на лифте в темное зимнее утро 1978 года. Лицей Людовика Великого от нас далеко. Дело происходит в Париже, на улице Коэт-логон в VI округе. Мне жутко холодно и жутко тоскливо. Я сую руки в карманы уродливого шерстяного пальто и кутаюсь в желтый колючий шарф. Сейчас явно польет, а 84-й автобус ушел из-под носа. Я еще не знаю, что все это сплошная чушь и никогда в жизни мне не пригодится. Не знаю и того, что это хмурое утро — единственное в моем детстве, о котором я потом буду вспоминать. Я даже не знаю, почему мне так тошно, — может, потому, что слабо прогулять математику. Шарль хочет ждать автобуса, а я решаю идти в лицей пешком, вдоль Люксембургского сада по улице Вожирар, где с марта по август 1928 года жили Скотт и Зельда Фицджеральд (на углу улицы Бонапарта), но пока я этого тоже не знаю. Сейчас я по-прежнему живу неподалеку, на улице Гинмер, и с балкона мне видно, как дети с ранцами спешат в лицей, пуская струйки холодного пара: этикие согбенные дракончики, бегущие наперегонки по тротуару, не наступая на черту. Они так внимательно следят, как бы не попасть ногой между плитками, словно идут по минному полю. «Смурная» — вот самое подходящее слово, чтобы описать мою жизнь в их возрасте. СМУРНАЯ, как то ледяное утро. Я убежден, что со мной никогда не случится ничего интересного. Я неказистый, тщедушный, одинокий, и с неба льет как из ведра. Я иду мимо здания сената, мокрый и серый, как мой гребаный лицей; там меня тошнит от всего: от стен, от преподав, от учеников. Я почти не дышу; все плохо, все совсем плохо, почему все так плохо? Потому что я самый обыкновенный, потому что мне тринадцать лет, потому что у меня подбородок топориком, потому что я рахит. Чем быть скелетом, лучше уж вовсе умереть! Подъезжает автобус, и я колеблюсь, правда, я колеблюсь, в тот день я чуть не бросился под колеса. Это 84-й, он едет мимо, а в нем едет Шарль. Большие колеса заляпывают низ моих штанов смешными пятнышками (штаны бежевые, вельветовые, со слишком большими отворотами). Я задыхаюсь, на улице гололед. Никогда ни одна девушка меня не полюбит, и я их понимаю, правда, я на вас не сержусь, мадемуазель, я бы и сам на вашем месте, я и сам себя не люблю. Я опаздываю; мадам Минуа, математичка, опять будет воздевать очи горе и брызгать слюной. А эти идиоты, мои одноклассники, будут вздыхать — громко, чтобы она заметила. Струи дождя будут стекать по окнам класса, воняющего отчаянием (сейчас я уже знаю: отчаяние пахнет мелом). Почему я жалуюсь, ведь со мной ничего такого не случилось? Меня не изнасиловали, не избили, не бросили, не накачали наркотиками. Разве что родители развелись и чересчур ласковы со мной, равно как родители всех моих соучеников. Я травмирован отсутствием травмы. В то утро я выбрал жизнь. Я вхожу в лицей так, словно бросаюсь волку в пасть. У здания черный рот и желтые глаза-окна. Оно заглатывает меня и готовится переварить. Я и не думаю сопротивляться. Я согласен стать таким, каким они хотят меня видеть. Передо мной встает трусость собственного отрочества.

Если приглядеться, то с высоты башни Монпарнас можно увидеть Лицей моей Исковерканной Юности. Я по-прежнему живу там, где перенес столько страданий. Я не открыва-

юсь от корней. Я никогда не бунтовал. Даже не переехал. Чтобы добраться до работы, до издательства «Фламарион», я иду по той же улице Вожирар, что и мальчик с замерзшими руками и ушами. Зимой я выдыхаю тот же парок. Я по-прежнему не наступаю на черту между плитами. Я так и не вышел из того утра.

8 час. 43 мин.

А мое детство проходит в полном зелени раю, шикарном пригороде Остина, штат Техас. Дом, похожий на дом соседей, сад, где мы поливали друг друга из шланга, «шевроле-кабриолет», катящийся в сторону пустыни. В комнате софа, и через окно видно, как блики от телевизора пляшут на лицах двоих детей: в этот час картина одинакова по всему городу, да и по всей стране. Родители из кожи вон лезут, чтобы у них все было похоже на красивое кино, устраивают коктейли, во время которых мамы обмениваются мнениями о своих интерьерах. В год мы потребляем в среднем четыре тонны бензина. Колледж? Только прыщавые белые в бейсболках, они слушают «Грейтфул Дэд» и сминают пустые пивные банки о собственный лоб. Ничего особенно дурного. Солнце, кофейни, футбольная команда, грудастые капитанши болельщиков, у которых ни одна фраза не обходится без «короче» и «как бы», полное отсутствие негров, кроме как в церкви по воскресеньям. У-упс, прошу прощения, конечно, надо говорить «афроамериканцы». В моем отрочестве все clean, все непорочно: лэп-дансингов еще не существует, а в мотели несовершеннолетних не пускают. Я завтракаю на травке, играю в теннис, читаю комиксы в гамаке. У отца в стакане с виски позвякивают кусочки льда. Каждую неделю в моем штате приводится в исполнение пара смертных приговоров. Моя юность проходит на газоне. Учтите: это не Бунгало в Прерии, скорее Особняк в Предместье. На зубах у меня брекететы, и я, стоя перед зеркалом, включаю радио и изображаю гитариста с деревянной теннисной ракеткой от «Данлоп». Каникулы я провожу в «летних лагерях»: спускаюсь по рекам на надувной лодке, отрабатываю подачи, выигрываю матчи по водному поло, открываю для себя мастурбацию благодаря журналу «Хастлер». Все лолиты влюблены в Кэа Стивенса, но поскольку его под рукой нет, их лишает девственности тренер по теннису. Моя самая большая травма – фильм «Кинг-Конг» (версия 1933 года): родителей не было дома, и мы с сестрой, хоть няня нам и запретила, потихоньку посмотрели его в родительской спальне. Черно-белый образ гигантской обезьяны, лезущей на Эмпайр-стейт-билдинг и хватающей военные самолеты, – худшее мое детское воспоминание. В 70-х годах сняли цветной ремейк, где дело происходит во Всемирном торговом центре. Я ждал, что с минуты на минуту гигантская горилла полезет на башни, и у меня мурашки бежали по спине; хотите верьте, хотите нет, но я все время об этом думал.

Всю мою юность можно пролистать по лицейским дневникам. Тогда я считал ее счастливой, но теперь при одной мысли о ней меня тошнит. Может, потому, что я в ужасе от ее утраты, от того, что я покинул свое древнее семейство и пустился искать счастья на поприще недвижимости. Я преуспел в этой профессии, когда усвоил одну простую вещь: бабки делают не на больших квартирах, а на маленьких (потому что они чаще продаются). Но семьи из среднего класса читают те же газеты, что и богачи: все непременно хотят интерьеры как в модных журналах или такой же лофт, что у Ленни Кравица! В общем, я заключил договор с одной кредитной конторой, которая согласилась предоставлять пару миллионов долларов с рассрочкой на тридцать лет. Затем я разыскал в старых кварталах Остина бывшие сараи для скота и превратил их в художественные мастерские для крутых. Весь мой талант состоял в том, что я убеждал свои парочки, будто их жилище единственное и неповторимое, и при этом сбывал их штук по тридцать в год. Так я сделал карьеру в агентстве, потом подсел того типа, который меня нанимал, и уже после открыл собственную контору: «Austin Maxi Real Estate». Три с половиной миллиона долларов, скоро будет четыре. Это, конечно, не Доналд Трамп, но уже можно не суетиться. Как говаривал мой отец: «Самое трудное – заработать первый миллион, остальные сами придут!» Джерри и Дэвид вполне обеспечены, но пока об этом не знают, потому что перед Мэри я всегда разыгрываю аристократа без гроша в кармане, чтобы она не потребовала вчетверо увеличить ей содержание. С другой стороны,

ушел я от нее именно из-за денег: я больше не мог возвращаться домой, имея столько денег в кармане. Зачем столько зарабатывать, если каждый вечер приходится прессовать одну и ту же женщину? Мне хотелось быть анти-Джорджем Бэббитом²⁷, этим бедным идиотом, неспособным избавиться от своей семьи и своего города...

- Гони фотоаппарат, – говорит Дэвид.
- Не дам, он мой, – отвечает Джерри.
- Ты не умеешь снимать, – говорит Дэвид.
- А ты будто умеешь, – отвечает Джерри.
- Ты даже вспышку не включил, – говорит Дэвид.
- А зачем, и так светло, – отвечает Джерри.
- Ты не поставил расстояние, – говорит Дэвид.
- А на фига, это же мыльница, – отвечает Джерри.
- Сними статую Свободы, – говорит Дэвид.
- Уже снял, – отвечает Джерри.
- В последний раз все были нерезкие, – говорит Дэвид.
- Заткнись, – отвечает Джерри.
- Урод косорукий, – говорит Дэвид.
- Сам урод, – отвечает Джерри.
- Надулся-надулся-надулся, – говорит Дэвид.
- Сам такой – сам такой – сам такой, – отвечает Джерри.
- Ладно, гони аппарат, – говорит Дэвид.

²⁷ Агент по торговле недвижимостью из Огайо, персонаж, созданный Синклером Льюисом в 1922 году. Герой одноименного романа. (Прим. автора.)

8 час. 44 мин.

Если бы Джерри и Дэвид внимательно рассмотрели свои снимки (те, что никогда не попадут в проявку), они бы заметили на горизонте, за Эмпайр-стейт-билдинг, белую движущуюся точку. Что-то вроде большой блестящей чайки на синем небосводе. Но птицы не летают так высоко и так быстро. Солнечные лучи сверкают на серебристом предмете, как в фильме «Миссия невыполнима», когда секретный агент, чтобы предупредить коллегу, не поднимая шума, зеркальцем посылает ему в глаза солнечный зайчик.

В «Небе Парижа» все продумано: вы ни на минуту не должны забывать, что находитесь выше всего нормального. Даже стенки унитазов в туалете изображают крыши Города-светоча, чтобы мужская половина клиентуры могла отлить на него сверху.

Надо бы вернуться сюда пообедать: меню довольно соблазнительное. «Осень в „Небе Парижа“ глазами Жан-Франсуа Уайона и его команды»: на закуску настоятельно рекомендуется эскалоп из утиной печени на медовой коврижке с соусом из белых грибов (24,5 евро); в качестве рыбного блюда мы имеем филе барабули на гриле с пюре из баклажанов, заваренным рыбным бульоном (26 евро); в качестве мясного Жан-Франсуа Уайон рекомендует голубя с пряностями, зажаренного в меду, с засахаренной капустой (33 евро). На десерт я склоняюсь к теплому шоколадному пирожному «Гуанаха» и сливочному мороженому с орешками. Знаю, это не самое правильное питание – Карл Лагерфельд не одобрил бы мой выбор, – и все же я предпочитаю пирожное, а не бобы тонка и вишни или даже фиги, обжаренные в ванильном масле с бурбоном.

За моей спиной разворачивается страшная драма: чета американцев требует на завтрак яичницу с ветчиной и грибами, но официантка с обворожительной улыбкой говорит: «I'm sorry²⁸, у нас подают только континентальный завтрак». Континентальный завтрак состоит из тостов, булочек, фруктового сока и горячего напитка, он менее плотный, чем тот, что американцы привыкли поглощать по утрам, а потому они встают, громко чертыхаясь, и покидают ресторан. Им непонятно, как это в таком туристическом центре не могут подать добрый сытный завтрак. С чисто коммерческой точки зрения они не так уж и не правы. Но зачем путешествовать, если есть все то же, что дома? На самом деле в этом жутком недоразумении у всех своя правда. «Небу Парижа» стоило бы позволить людям есть то, что они хотят, и предлагать на завтрак такой же выбор, как и на обед. А американцам пора бы перестать пытаться любой ценой навязать свой образ жизни всей планете. А вообще-то, если вдруг сегодня, в 8.46 утра, в башню Монпарнас врежется самолет, как в Северную башню Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года, то эти двое останутся в живых.

Самое потрясающее, что однажды в одну из нью-йоркских башен уже врезался самолет; это было в 1945 году, в туманную ночь. Бомбардировщик В-25 американской армии разбился об Эмпайр-стейт-билдинг на высоте 78–79-го этажей. 14 погибших, гигантский пожар, пламя в несколько сот метров высотой. Но Эмпайр-стейт-билдинг не рухнул, потому что стальной каркас здания не расплавился – в отличие от каркаса Всемирного торгового центра (сталь теряет прочность при 450° и плавится при 1400°, но, по оценкам, при пожаре «боинга» температура достигала 2000°). В 2001 году 40 000 литров горящего керосина разрушили металлический костяк башен, и верхние этажи рухнули на нижние. При строительстве башен-близнецов Ямасаки использовал новую технологию: он отказался от лабиринта внутренних опор и перенес основную тяжесть на внешние стены, состоящие из стальных вертикальных конструкций, расположенных очень близко друг к другу и соединенных горизонтальными балками, которыми опоясан каждый этаж. Такая архитектура позволяла выско-

²⁸ Извините (англ.).

бодить максимум внутреннего (то есть приносящего наибольшую прибыль строительным подрядчикам) пространства. Именно из-за этих опор, покрытых тонким слоем алюминия, обе башни казались полосатыми и похожими на стереофонические колонки.

Вывод: башни-близнецы были построены так, что выдержали бы удар самолета без горячего.

Добро пожаловать за минуту до. Когда все еще возможно. Они могли вдруг уйти, могло же им такое взбрести в голову. Но Картью говорит себе, что времени у них много, что свою нью-йоркскую эскападу они используют на все сто, а дети сидят с довольным видом. Некоторые клиенты покидают ресторан: каждую минуту кто-то входит или выходит. Смотрите, пожилая дама, которую только что побеспокоили Джерри и Дэвид, та, что с фиолетовыми волосами, вдруг встает, она уже оплатила счет (и не забыла оставить пять долларов на чай), медленно движется к лифтам, два мелких бузотера напомнили ей, что надо купить внуку подарок на день рождения, она говорит: «Have a nice day»²⁹ – администраторше и нажимает на кнопку «Mezzanine», кнопка загорается, брякает звонок, ей только что пришла мысль побродить по торговому центру, она помнит, что вроде бы тут есть магазин «Тойз-Ар-Ас», только не помнит где, то ли в подвале, то ли на первом этаже, – вот о чем она думает, когда двери лифта плавно закрываются. Всю оставшуюся жизнь она будет говорить, что сам Господь велел ей поступить именно так, и всю оставшуюся жизнь ее будет мучить вопрос, почему Он так сделал, почему Он оставил ее в живых, почему Он позволил ей думать об игрушках, почему Он избрал ее, а не двух маленьких мальчиков.

²⁹ «Всего доброго» (англ.).

8 час. 45 мин.

Минутой раньше все еще могло повернуться иначе. А потом меня вдруг пробрал озноб.

– Знаешь, чем Дэвид Линч отличается от «Меррил Линч»?³⁰ – спрашивает брюнет от Кеннета Коула.

– Э-э, нет... не знаю, – отвечает блондинка от Ральфа Лорена.

– Ничем: делают что-то непонятное и бросают деньги на ветер, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

Оба дружно прыскают, а потом опять заводят профессиональный разговор.

– Ликвидность выросла, но объемы упали, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Фьючерсы у «Standard's & Poors» фиговые, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– Голубые фишки портят нам кровь, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Я привязан к «Nasdaq», – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– Чарты неблагоприятные, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Дрянь дрянью, это точно, – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– Получили мы иеной в зубы, – говорит блондинка от Ральфа Лорена.

– Я закрыл позиции по «Nikkei», – говорит брюнет от Кеннета Коула.

– О господи, – говорит блондинка от Ральфа Лорена. – OH MY GOD.

Ее глаза широко открылись, нижняя челюсть отвисла, и она прикрыла дрожащей рукой непослушный рот.

– Что? Что случилось? WHAT'S THE PROBLEM? – спрашивает брюнет от Кеннета Коула и уже после оборачивается к окну.

Небо было такое ясное, Джерри со своим биноклем мог сосчитать заклепки на фюзеляже. Он кинулся ко мне, страшно возбужденный:

– Look Dad! You see the plane?³¹ – Но у меня уже тряслись руки. В одну секунду я подхватил болезнь Паркинсона. Остальные клиенты тоже поняли, что происходит: чертов «боинг» «Америкен эрлайнз» мчался на малой высоте над Нью-Йорком, направляясь прямо к нам.

– Черт, да что ж он такое творит? Нельзя же летать так низко, идиот!

Ненавижу фильмы-катастрофы, всех этих приятных блондинов с квадратными подбородками, беременных женщин, у которых отходят воды, параноиков, впадающих в помешательство, трусов, превращающихся в храбрецов, священников, раздающих последнее причастие. Какой-нибудь кретин непременно заболит, и стюардесса обращается к пассажирам:

– Есть среди вас доктор?

И тогда студент-медик поднимает руку, едва не лопааясь от чувства собственной полезности: не волнуйтесь, все будет хорошо.

Такие вот мысли лезут в голову, когда вас таранит «боинг». Противно оказаться в такой клюкве. Не думаешь ни о чем, просто вцепляешься в подлокотники. Не веришь своим глазам. Надеешься, что все происходящее неправда. Тело жаждет быть обманутым. Раз в жизни хочется, чтобы чувства подвели, чтобы глаза солгали. Конечно, я бы предпочел сказать, что первым делом ринулся к Джерри и Дэвиду, но это неправда. Я не бросился их защитить. Пряча голову под стол, я думал лишь о своей жалкой персоне.

³⁰ «Меррил Линч» – одна из наиболее известных инвестиционных компаний.

³¹ Папа, смотри! Видишь самолет? (англ.)

8 час. 46 мин.

Теперь мы довольно точно знаем, что произошло в 8 часов 46 минут. «Боинг-767» компании «Американ эрлайнз» с 92 пассажирами на борту, считая 11 членов экипажа, врезался в северный фасад башни № 1 на высоте 94–98-го этажей, и пламя от его 40 000 литров керосина немедленно охватило офисы «Marsh & McLennan Companies». Это был рейс AA 11 (Бостон – Лос-Анджелес), самолет вылетел из аэропорта Логан в 7.59 и шел со скоростью 800 км/ч. Мощность удара оценивалась в 240 тонн тротилового эквивалента (удар с амплитудой 0,9; продолжительность 12 секунд). Известно также, что из 1344 человек, оказавшихся в ловушке на верхних этажах, не выжил никто. Само собой, эта информация лишает мою книжку всякого саспенса. Тем лучше: это не триллер; просто попытка, быть может, обреченная на неудачу, описать неопишемое.

Бытие. XI: 1–3.

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести.

8 час. 47 мин.

Когда у вас под ногами в здание врезается «боинг» компании «Американ эрлайнз», то первым делом вы ощущаете две вещи. Для начала небоскреб превращается в метроном, и я вас уверяю, когда первая башня Всемирного торгового центра воображает себя Пизанской, результат получается весьма своеобразный. То, что на языке специалистов называется «взрывной волной», создает у вас впечатление, будто вы на корабле в страшный шторм, а если поискать метафору, понятную моим детям, это все равно что на 3–4 секунды попасть в гигантский шейкер для молочных коктейлей. Стаканы с соком летят на пол, настенные светильники отваливаются и повисают на проводах, деревянные натяжные потолки проваливаются, а с кухни доносится грохот падающих тарелок. Бутылки из бара катятся по полу и взрываются. Букеты подсолнухов падают, и вазы разлетаются на тысячу кусков. Ведерки с шампанским опрокидываются на палас. Тележки с выпечкой катятся между столиками. Лица ходят ходуном, и стены тоже.

Во-вторых, когда за стеклом проносится огненный шар, у вас начинают гореть уши, а потом все заполняет плотный черный дым, он лезет отовсюду: через пол, через стены, шахты лифтов, вентиляционные решетки; оказывается, вокруг уйма отверстий, по которым должен поступать чистый воздух и которые теперь делают нечто прямо противоположное, ибо система вентиляции становится системой фумигации. Все сразу начинают кашлять и закрывать рот столовыми салфетками. На сей раз я вспомнил о существовании Джерри и Дэвида и протянул им две салфетки, смоченные в апельсиновом соке; мы все трое сидели на корточках под столом.

– Дышите через ткань, это тест, в Нью-Йорке такое часто бывает, у них это называется fire drill, учебная тревога. Не бойтесь, милые, это, скорее, забавно, правда?

– Папа, это в башню влетел самолет? ПАПАЧТОСЛУЧИЛОСЬ?

– Да нет же, – я улыбаюсь, – не волнуйтесь, мальчики, это трюк, я не хотел портить вам сюрприз: это новый аттракцион, самолет – это трехмерный фильм, Джордж Лукас придумал спецэффекты, они тут каждое утро устраивают ложную тревогу, а вы и попались, да?

– Но, папа, вокруг все трясется, даже официанты вопят от страха...

– Don't worry³², они раскачивают ресторан гидравлическими домкратами, как в луна-парке. А официанты – актеры, это старый прием, статистов сажают среди посетителей, как в «Пиратах Карибского моря»! Помнишь «Пиратов Карибского моря», Дэйв?

– Угу, папа. А как этот аттракцион называется?

– «Адская башня», «Tower Inferno».

– А, ну ладно... Блин, прямо веришь...

– Дэйв, не надо говорить «блин», даже в адской башне, о'кей?

Джерри, похоже, не шибко поверил в мои сказочки, но это было первое, что пришло мне в голову, – я сказал себе, что надо стоять на своем, иначе он немедленно начнет реветь. А если Джерри заревет, то я, наверно, тоже зареву, а тогда и Дэвид последует нашему примеру. Но Дэвид никогда в жизни не плакал; стоит ли начинать сейчас?

– Потрясающие трюки, согласитесь: и дым отовсюду, и подсадные клиенты, паникующие за деньги, классно устроено, просто суперски!

Люди вокруг стояли и глядели друг на друга, окаменев от ужаса. Некоторые – из тех, кто, вроде нас, спрятался под столик, – теперь поднимали головы, чуть смущенные своим негеройским поведением. Оладьи Дэйва валялись на полу, усеянные осколками фарфора. Кленовый сироп из горшочка вытекал на ковер меж опрокинутых стульев. За «Окнами в

³² Без паники (англ.).

мир» теперь ничего не было видно: все заслонила плотная черная завеса. Настала ночь, Нью-Йорк исчез, а снизу доносился гул. Я точно знаю, что у всех нас была в голове одна мысль, ее довольно удачно выразил шеф-повар:

– We've got to get the hell out of here³³.

В конечном счете я бы предпочел оказаться в одном из этих дурацких фильмов-катастроф. Потому что у большинства счастливый конец.

³³ Надо сваливать отсюда к чертовой матери (*англ.*).

8 час. 48 мин.

Вот как еще можно было бы назвать ресторан Всемирного торгового центра:

«Windows on the Planes»;

«Windows on the Crash»;

«Windows on the Smoke»;

«Broken Windows»³⁴.

Простите за этот приступ черного юмора, мимолетное убежище от кошмара.

«Нью-Йорк таймс» собрала несколько свидетельств о той минуте в «Windows on the World». На пленках двух любительских видеокамер видно, с какой ошеломительной скоростью дым распространяется по верхним этажам. Как ни парадоксально, ресторан задымлен гораздо сильнее этажей, расположенных непосредственно над местом взрыва, потому что дым сгущается на высоте нескольких десятков метров. Сохранилась запись телефонного разговора Раджеша Мирпури из «Data Synapse» со своим боссом Питером Ли. Он кашляет и говорит, что в пяти метрах ничего не видно. Ситуация стремительно ухудшается. В «Cantor Fitzgerald» (104-й этаж) огонь перекрывает выход на лестницу. Служащие укрываются в офисах северного фасада, полсотни человек находятся в конференц-зале.

В тот момент многие еще считают, что это несчастный случай. Судя по многочисленным свидетельствам, до 10.28, когда здание обрушилось, большинство оставалось в живых. Они мучились 102 минуты: столько в среднем длится голливудский фильм.

Вот отрывок из «Наоборот» Гюисманса:

Великая американская каторга переместилась в Европу. Конца и края не стало хамству банкиров и парвеню. Оно сияло, как солнце, и город простирался ниц, поклонялся ему и распевал непотребные псалмы у поганных алтарей банков!

– Эх, сгинь же ты, общество, в тартарары! Умри, старый мир! – вскричал Дээ Эссент, возмущенный картиной, которую сам себе нарисовал³⁵.

Так я и знал! Настоящий виновник теракта – не Усама бен Ладен, а этот мерзавец Дээ Эссент. Я давно чуял, что этот денди-декадент какой-то подозрительный. Открыв для себя эстетику нигилизма, испорченные дети замышляют массовые убийства. Отныне у всех эксцентричных молодых людей, с усмешкой исповедующих ненависть, манишки запятнаны кровью. Ни одна химчистка не выведет брызги гемоглобина с их изысканных жилетов. Дендизм бесчеловечен. Эти эксцентрики слишком трусливы, чтобы перейти от слов к делу, и предпочитают убивать других, а не самих себя. Они убивают дурно одетых. Дээ Эссент своими холеными белыми руками убивает невинных людей, все преступление которых в том, что они заурядны. Его снобистское презрение – огнем. Как мне заслужить прощение за то, что на странице 201 предыдущего романа я убил пожилую даму из Флориды? Думаешь, будто указываешь на невольных убийц – анонимные и безликие пенсионные фонды, виртуальные структуры. Но в конечном счете кричат, молят и истекают кровью живые люди. Конец света – это миг, когда сатира становится реальностью, когда метафоры реализуются буквально, а карикатуристы чувствуют себя сопляками.

³⁴ «Окна на самолеты»; «Окна на катастрофу»; «Окна на дым»; «Разбитые окна» (англ.).

³⁵ Пер. Е. Л. Кассировой.

8 час. 49 мин.

Первая мысль – мобильник. Но поскольку это именно первая мысль, она приходит в голову всем одновременно, и сеть перегружена. Исступленно давя на зеленую кнопку повторного вызова, я продолжаю уверять мальчишек, что эта удушающая тьма – детские игрушки.

– Вот увидите: они сейчас понарошку пришлют спасательную команду, это будет классно! Здорово они сделали это черное облако, похоже, правда?

Любовники-брокеры глядят на меня с жалостью.

– Fuck! – говорит блондинка от Ральфа Лорена. – Пошли-ка подальше из этой вонючей парилки.

Брюнет встает и бросается к лифтам, таща подружку за руку. Я несусь следом, в каждой руке по сыну. Но лифты вышли из строя, out of order. За стойкой рыдает администраторша:

– Меня не учили, как действовать в таких ситуациях... Надо выходить по лестницам... Следуйте за мной...

Большинство клиентов «Windows on the World» не стали ее ждать. Они сгрудились на полной дыма лестничной площадке. Все кашляют без остановки, один за другим. Чернокожий охранник блюет в урну. Он уже попытался спуститься на четыре этажа.

– Я только что снизу, все задымлено, не ходите, там все плавится!

Но мы идем. Дезорганизация полная: взрыв уничтожил все системы сообщения с внешним миром. Я оборачиваюсь к Джерри и Дэвиду, они начинают хныкать.

– В общем, так, дети, если мы хотим выиграть эту партию, главное – не дать понять, что нас сделали. Значит, без паники, пожалуйста, иначе нас уничтожат. Вы идете с папой, попробуем спуститься. Вы уже играли в ролевые игры вроде «Замков и драконов»? Побеждают те, кому удалось лучше надуть противника. Малейшие признаки страха, и игра проиграна, got it?³⁶

Братья вежливо кивают.

Оказывается, я забыл себя описать. Я был очень красив, потом просто красив, потом ничего себе, а сейчас выгляжу довольно-таки средне. Я много читаю, подчеркивая понравившиеся фразы (как все самоучки; потому-то самые образованные люди часто бывают из самоучек: они всю жизнь стремятся сдать не сданный когда-то экзамен). В хорошие дни я внешне похож на актера Билла Пуллмана (президент Соединенных Штатов в «Дне независимости»). В плохие – скорее, на Робина Уильямса, если только он согласится сыграть роль техасского риелтора с неуклюжей походкой, намечающейся лысиной и удручающими морщинками в уголках глаз (просто слишком много бываю на солнце, yeah). Через несколько лет стану достойным кандидатом в шоу «Двойники Джорджа Буша», то есть, конечно, если выберусь отсюда.

Джерри – мой старший сын, поэтому он такой серьезный. У первенцев всегда все в первый раз. Мне нравится, что он все понимает буквально. Я могу заставить его поверить в любую чушь, он проглотит, а потом будет сердиться, что я его обманул. Прямой, искренний, смелый: Джерри такой, каким должен был быть я сам. Иногда мне кажется, что он меня ненавидит. Наверно, я не оправдываю его ожиданий. Тем хуже; такая уж судьба у отцов – разочаровывать детей. Даже у Люка Скайуокера отец – Дарт Вейдер! Джерри точно такой, каким я был в его возрасте: верит в привычный порядок вещей, беспокоится, чтобы все шло как надо. С иллюзиями он расстанется позже. Я ему этого не желаю. Надеюсь, у него всегда

³⁶ Ясно? (англ.)

будут такие же честные синие глаза. Ты мне нужен, Джерри. В свое время дети считали родителей образцом. Теперь наоборот.

Дэвид на два года младше и, конечно, сомневается во всем: в своей светлой шевелюре с челкой, в том, что нужно ходить в школу, в существовании Санта-Клауса и братьев Хэнсонов³⁷. Он почти не раскрывает рта, разве что захочет довести брата. Вначале мы с Мэри боялись, что он не совсем нормальный: он ни разу в жизни не плакал, даже когда родился. Он ничего не требует, ничего не говорит и красноречиво молчит; подозреваю, что думает он от этого не меньше. Он проводит все время за компьютерными играми и иногда обыгрывает машину. Любимое его занятие – дразнить Джерри, но я знаю, что он отдаст за него жизнь. Что бы он делал без брата? Наверно, черт знает что, как я с тех пор, как уехал от старшей сестры. Дэвид грызет ногти на руках и, когда сгрызает напрочь, покушается на ногти на ногах. Если бы ногти росли в других местах – на носу, на локтях или коленях, – он бы и их грыз, будьте покойны. Все это он проделывает молча. Ребенок, который никогда не плачет, – это идеальный вариант, я не жалею, и все-таки временами это несколько скучно. Мне очень нравится, как он чешет затылок, изображая работу мысли. Мне сорок три года, и недавно я стал ему подражать. О том и речь: родители копируют детей. А вы знаете лучший способ оставаться молодым? Дэвид – непоседливый, ворчливый, тщедушный, бледный и мрачный мизантроп. Он напоминает мне моего отца. Впрочем, может, это он и есть! Джерри – моя мать, а Дэвид – отец.

– МАМА! ПАПА! БЕГИТЕ КО МНЕ!

– Эй, Дэйв, ни фига себе, – говорит Джерри растерянно, – старик спятил.

Дэвид поглядел на меня, насупившись, но, как всегда, ничего не сказал. Мы только что спустились на 105-й этаж.

³⁷ Намек на шумный успех первого альбома, записанного тремя братьями Хэнсонами в 1992 г., когда старшему из них было 11 лет, а младшему – 6.

8 час. 50 мин.

Они не знают, а я, сегодняшний, знаю (что ни в коей мере не ставит меня выше их): «боинг» разрушил все выходы, лестницы завалило, лифты расплавились; Картью с сыновьями просто-напросто заперты в горячей печи.

Подпись: Господин Всезнайка. (По-английски – Mister Know-it-all.)

Башня Монпарнас была построена в 1974 году, почти одновременно со Всемирным торговым центром. Общая площадь – 10,5 гектара. Площадь каждого этажа – 2011 м². 103 000 м² офисов, 30 000 м² магазинов, 16 000 м² архивов и хранилищ, 100 000 м² общественного назначения, 21 000 м² служебных помещений, стоянка на 1850 мест. Ширина – 32 м. 25 лифтов и 7200 окон. Вес – 120 000 тонн. Фундамент – 56 свай, уходящих на глубину 70 м, между четырьмя линиями метро.

Вот почему это здание в 8.50 утра внушает мне панический страх. Честное слово, после Одиннадцатого сентября я смотрю на башню Монпарнас другими глазами, как на залетный космический корабль, ракету, готовую взмыть в воздух. Последняя кегля в кегельбане. А вы знаете, что, когда «Мэн-Монпарнас» только проектировали, Помпиду хотел возвести две одинаковые башни? Этот вопрос долго муссировали, потом он передумал.

В лицее Монтеня моим врагом была дисциплина, коллективистское воспитание, бесконечные нудные лекции, зеленая тоска капиталистической демократии. Бунт казался более романтичным. Я восхищался, глядя по телевизору на подвиги «Аксьон директ». Вот они были свободны, они взрывали бомбы, похищали разжиревших эксплуататоров. Натали Менигон³⁸ была сексапильнее Алис Сонье-Сеите³⁹. В классе высшим шиком считалось обмотать шею палестинским платком, но я ходил в костюме от «Берберри»; а ты говоришь – бунтарь. Терроризм был куда гламурнее, чем контрольная по истории в пятницу. Мне бы бежать, жить в подполье, но заброшенные дома отапливались явно хуже, чем материнская квартира. В лицее Людовика Великого я уже глотал один за другим революционные манифесты, но продолжал учиться. Так выгоднее по всем пунктам: меня не будет ловить полиция, я не окончу свои дни за решеткой, зато смогу цитировать Рауля Ванегейма и казаться крутым. Я был рекламный бунтарь, безалкогольный, как «Кэнэда Драй»: бунтарская окраска и бунтарская внешность при полном отсутствии бунта. Позже один американский журналист придумал сокращенное обозначение Буржуазной Богемы: он окрестил их «бубонами». Я же готовился стать Богатым Бунтарем – «бобуном».

³⁸ Натали Менигон – активистка левой террористической группы «Аксьон директ», совершившая в 1986 г. вместе с Жозель Оброн покушение на генерального директора фирмы «Рено» Жоржа Бесса, которого они застрелили несколькими выстрелами в упор.

³⁹ Алис Сонье-Сеите (1925–2001) – министр высшего образования Франции в 1978–1981 и 1989–1995 гг.

8 час. 51 мин.

Удача (если тут вообще можно говорить об удаче): на 105-м этаже мобильник ловит сеть. И звонит у Мэри.

– Хэлло!

– Мэри? Это Картью. Прости, мы сильно кашляем, но с детьми все в порядке, мы попытаемся выбраться отсюда.

– Картью? Почему ты говоришь шепотом? И что, собственно, ты имеешь в виду?

– Случилась катастрофа, но я внушаю мальчикам, что это аттракцион. Включи телевизор, сразу поймешь.

Молчание, звук шагов, я слышу, как она включает телевизор, потом резкий вскрик: «Oh Lord, tell me this is not happening»⁴⁰.

– Картью, только не говори мне, что вы там, наверху!

– Черт, ты же сама велела мне будить их пораньше, чтобы они не отвыкли от школьного режима! Честное слово, я бы предпочел быть в другом месте. Я его видел, Мэри, я ВИДЕЛ, как этот сукин сын самолет врзается под нами! Становится жарко, всюду дым, но с мальчиками все о'кей, не отключайся, Джерри хочет с тобой поговорить.

– Ма?

– О, мой дорогой, все в порядке? У тебя ничего не болит? Последи за братиком, хорошо?

– Мам, этот аттракцион, он совсем не прикольный, и вообще тут воняет, даю тебе Дэйва.

– ...

– Дэвид?

– Кха-кха! – кашляет. – Мама, а Джерри не дает мне свой фотоаппарат!

– Ладно, Мэри, это опять Картью. Попробуй выяснить, выслали ли уже спасателей, отсюда невозможно дозвониться до администрации. Тут вообще на хрен нет плана эвакуации! Перезвони, до скорого.

Мы по-прежнему на лестничной клетке, освещенной неоновыми лампами, в толпе, спускающейся по ступеням примерно так же организовано, как стадо баранов, которых гонят на бойню. Солженицын сравнивал заключенных ГУЛАГа с ягнятами. Бе-е-е-е. Какой маразм – привести сюда мальчишек, тут же с самого начала была скучища, и для них, и для меня... Вечно надо что-то делать через силу, якобы из лучших побуждений... Вот нам наказание за то, что не повалялись в постели. Вы поглядите на них, на этих ранних пташек, свежесбранных, при галстуках, на этих чересчур надушенных working girls, на усердных читателей «Уолл-стрит джорнал»... Лучше бы вы все не вылезали из койки.

– Как дела, ребятки? Главное, закрывайте салфеткой нос и рот. И не касайтесь перил, они раскаленные.

Наше молчаливое стадо все растет, на каждом этаже к нам присоединяется новая когорта обезумевших серых троек и розовых дамских костюмов. Мы перешагиваем через обломки натяжного потолка, загораживающие проход. Жара убийственная. Иногда кто-нибудь поддерживает соседа или плачет, но большинство молчат, кашляют, надеются.

⁴⁰ О боже, скажи, что это неправда (англ.).

8 час. 52 мин.

Мои родители встретились на баскском побережье, но почти сразу уехали учиться в Америку. Сегодня никто уже не помнит, насколько американские университеты, в частности бизнес-школы, привлекали блестящих дипломированных французов. Так что мой отец улетел в Гарвард получать диплом МВА (как позднее Джордж У. Буш), мама полетела с ним и не теряла времени зря, получив степень магистра истории в Маунт-Холуок-колледже. Америка 50-х – как черно-белое документальное кино. Американская мечта охватила весь остальной западный мир. Длинные «кадиллаки» с крылышками, гигантское мороженое, пакетики попкорна в кинозалах, переизбрание Эйзенхауэра – магические символы совершенного счастья. То была Америка сбывшихся надежд, райская страна, описанная загорелым красавцем Филиппом Лабро. В то время отторжение еще толком не возникло. Никто не считал гамбургеры из «Макдоналдса» фашистскими. Отец хохотал над шутками Боба Хоупа по телевизору. Они ходили в боулинг. Буржуазная молодежь придумывала глобализм. Она верила в Америку – воплощение новизны, эффективности, свободы. Десять лет спустя это поколение проголосовало за Жискара, потому что он был молод, как Джон Кеннеди и Серван-Шрайбер. Блестящие, целеустремленные, простые в обращении люди. Наконец-то мы избавимся от бремени европейского воспитания. Стремиться к цели. Идти напрямик. Никуда не сворачивая. Первый вопрос, который вам задают в Соединенных Штатах: «Where are you from?»⁴¹ – потому что все откуда-то приезжают. А потом говорят: «Nice to meet you»⁴², потому что любят встречать незнакомцев. Если вас в США приглашают в гости, вы можете сами брать что угодно из холодильника, не спрашивая разрешения у хозяйки дома. От этого времени остались некоторые выражения, которые я часто слышал дома: «put your money where your mouth is», «big is beautiful», «back-seat driver» (мое любимое, мама выдавала его в машине, когда мы действовали ей на нервы на заднем сиденье), «take it easy», «relax», «give me a break», «you're overreacting», «for God's sake»⁴³. Капиталистическая утопия была такой же идиотской, как и коммунистическая, но насилие в ней было неявным. Благодаря своему образу она и победила в холодной войне: конечно, люди подышали с голоду и в Америке, и в России, но у тех, кто подышал в Америке, была свобода выбора.

⁴¹ Откуда вы? (англ.)

⁴² Приятно познакомиться с вами (англ.).

⁴³ «Молчание – золото», «чем больше, тем лучше», «не отвлекай водителя советами», «не бери в голову», «расслабься», «отвяжись», «не принимай так близко к сердцу», «ради бога» (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.